

Белоснежный глиняный сосуд вымыт до блеска, тонкие стебли бамбука стоят поодаль. На проветриваемой террасе из сандалового дерева, в тени и прохладе, открывается удивительно ясный и приятный взору вид.

За ширмой, украшенной рисунком цветущего растения, Лян Сеюнь с яркими подробностями вспоминала события нескольких месяцев давности, когда её спасли. Она вновь и вновь раз за разом пересказывала эту историю.

— Ты даже представить себе не можешь, как это было! Третий брат не потратил ни единого солдата, ни единого гроша, он с такой легкостью разделался с теми четырьмя убийцами...

Цзи Фаньинь неспешно ополаскивала чашу для чая, наклонив сосуд из исинской глины. Вскоре над белоснежной фарфоровой чашкой поднялся тонкий, вьющийся ароматный пар. Она подняла чашку и протянула её собеседнице, слегка улыбнувшись уголками губ:

— В горле пересохло, верно?

Стоило ей это произнести, как Лян Сеюнь тут же почувствовала нестерпимую жажду.

С наслаждением выпив несколько чашек, Лян Сеюнь наконец вспомнила о цели своего визита. Она ухватила за рукав цикадного шелка на платье Цзи Фаньинь и заискивающе произнесла:

— Сестрица Фаньинь, не могла бы ты исполнить для меня тот танец? Если бы не те проклятые убийцы, испортившие всё настроение, мы бы уже давно насладились твоим изящным искусством...

Цзи Фаньинь не ответила ни да, ни нет. Она продолжала разливать чай.

Раз прямого отказа не последовало, Лян Сеюнь решила, что шанс увидеть танец ещё есть, и принялась пускать в ход всё своё красноречие, пытаясь воззвать к разуму и чувствам собеседницы.

Однако Цзи Фаньинь оставалась непоколебимой, её выражение лица не изменилось.

Лян Сеюнь скрестила руки на груди и обиженно надула губы:

— Сестрица, ты такая неласковая. Я ведь не собираюсь красть твою технику, просто хочу обменяться опытом.

— А ты знаешь, как называется мой танец? — Цзи Фаньинь отставила чашку и перевела взгляд на неё.

Лян Сеюнь в недоумении покачала головой:

— Нет.

— Танец Золотого Лотоса.

— И что с того?

Цзи Фаньинь посмотрела вдаль, погрузившись в свои мысли:

— Восточный ветер ещё не поднялся, лотос безмолвствует.

— Восточный ветер? И когда же он поднимется?

Цзи Фаньинь лишь улыбнулась в ответ.

До самого заката Лян Сеюнь, собираясь уходить, всё размышляла о том, когда же придет этот восточный ветер для Танца Золотого Лотоса.

— Маленькая принцесса вернулась во дворец?

— Да.

Цзи Фаньинь помогла матери, которая слегка покашливала, присесть и своими белоснежными пальцами принялась разминать ей плечи.

Вэй Сянжу прижала платок к губам, потянула дочь за руку, усаживая рядом, и прямо спросила:

— Через несколько дней праздник середины осени, поедешь с нами во дворец.

В праздник середины осени люди стремятся воссоединиться, как полная луна. Раньше они всегда проводили этот вечер дома, распивая вино под луной, в радости и согласии. В этот раз праздник совпал с днем рождения государя. Лян Дицзюнь, будучи правителем, распорядился устроить пир для всех придворных и чиновников.

Цзи Фаньинь понятиливо кивнула.

Вэй Сянжу поначалу тревожилась из-за того, что её дочь, очнувшись два года назад, так сильно изменилась в характере, но со временем полностью успокоилась. Иначе она не

позволила бы ей отправиться в такой долгий путь в Храм Бодхи, чтобы зажечь лампы и помолиться за их благополучие.

Но сейчас, глядя на покорно опущенную голову дочери, сердце Вэй Сянжу болезненно сжалось. Она взяла её за руку и, помедлив, спросила:

— Может, найдем предлог и откажемся, как обычно?

Как могла Цзи Фаньинь проявить эгоизм, видя, что мать так заботится о ней? Пойти на пир во дворец — это ведь не смертный приговор. Нужно просто соблюдать осторожность в словах и поступках.

Видя такую рассудительность дочери, Вэй Сянжу встревожилась ещё сильнее. Ведь во дворце на пиру неминуемо придется встретиться с Третьим ваном. Вспоминая те тяжелые события, она до сих пор не могла унять дрожь.

Она едва слышно вздохнула: беда надвигается, и от неё не спрятаться. Остается только действовать по обстоятельствам.

Внутри высоких стен дворца повсюду были развешаны алые фонари. Как место проведения праздничного пира, императорский дворец выглядел особенно торжественно и величественно.

Цзи Фаньинь в платье кораллово-синего цвета следовала за родителями, ступая шаг в шаг.

— Ваш слуга Цзи Цзиньань вместе с супругой и дочерью Фаньинь склоняются перед Вашим Величеством. Желаем вам долголетия, равного небесам.

Едва прозвучали слова, Лян Дицзюнь взмахнул рукавом своего драконьего халата, помогая троим подняться. Его густые брови дрогнули в улыбке:

— Дорогой чиновник, не стоит таких формальностей.

Затем он с гордостью указал на Цзи Фаньинь, представляя её остальным:

— Это жемчужина нашего Канцлера и моя спасительница.

По залу пронесся гул удивления. Вскоре министры обступили их, наперебой расточая похвалы. Все слышали слухи об этом, знали, что государь даже пожаловал ей желтый халат в знак благодарности. В Инчжоу желтый халат был сродни указу о помиловании — никто из подданных, а уж тем более женщина, не удостоивался такой чести.

Удивительнее всего было то, что Цзи Фаньинь не только вежливо отказалась от награды, но и написала стихотворение: Тысячи парусов минули, всему есть причина, в predetermined — лишь плоды.

Прочитав это, Лян Дицзюнь в прекрасном расположении духа рассмеялся и начертал в ответ: Такая дева лишь на небесах обитает, где же в мире встретишь подобную ей?

После чего лично пообещал: Если когда-нибудь возникнет нужда, я исполню любую твою просьбу.

Сегодня все смогли воочию убедиться, что Цзи Фаньинь, эта красавица, обладающая и талантом, и красотой, действительно необыкновенна.

Бесчисленные дифирамбы были подобны светлячкам, что слетались на огонёк, но для неё они не были тем единственным светом, что озаряет жизнь. Цзи Фаньинь лишь вежливо улыбалась, скрывая свои истинные чувства.

Пир начался. Музыканты и танцоры, словно замороженные, без устали исполняли номера, их одежды развевались в такт дворцовой музыке, а зал наполнился смехом. Цзи Фаньинь притворилась, что закашлялась, и, поскольку ранее она уже ссылалась на слабое здоровье, Лян Дицзюнь не стал настаивать на исполнении Танца Золотого Лотоса.

Когда музыка стихла, евнух тонким голосом провозгласил:

— Принцы подносят дары!

Старший ван преподнес древнюю тушечницу, на которой были искусно вырезаны журавли и птицы. Второй ван подарил редкие сокровища, собранные по всему свету.

Настала очередь Третьего вана.

Все затаили дыхание, глядя на открывающиеся двери зала.

Старик в годах, чьи волосы уже тронула седина, не спеша вошел, держа в руках свиток. В его облике читалась некая ленивая небрежность. Двое слуг, следовавших за ним, склонившись, развернули свиток из превосходной бумаги.

Лян Дицзюнь, не мигая, смотрел на картину, словно лишившись дара речи, и невольно подался вперед.

Легкие мазки охрой передавали увядание осеннего пейзажа. На картине сорока сидела на сухой ветке, угрожающе стрекоча на забредшего под дерево зайца. Заяц обернулся, а вторая

сорока летела на помощь первой. Живость этого противостояния птиц и зверя была поистине классической.

Цзи Фаньинь видела эту картину дважды. Двойная радость, высотой почти в два метра и шириной в метр, сейчас должна была храниться в музее. История её создания была ещё более впечатляющей. В годы правления династии Северная Сун принцесса Фукан глубокой ночью постучала в ворота запретного города, хотя ночные выходы были строго запрещены. В тот момент, когда ворота отворились, вместе с ними наружу вырвались и сплетни. И несчастная принцесса, и её верный спутник Лян Хуайцзи, и Ли Вэй, возвысившийся благодаря браку, — все они стали жертвами той эпохи.

Если она не ошибается, автором этой картины был...

Цзи Фаньинь искоса взглянула на седовласого старика.

— Ваш покорный слуга Цуй Бай, скромный художник, по приглашению Третьего вана преподнес эту картину Двойная радость на ваше обозрение.

Его голос звучал сдержанно и достойно.

Цзи Фаньинь с облегчением улыбнулась. Раз уж Пэнлай, Инчжоу и Храм Бодхи могут существовать в этой вымышленной истории, почему не может быть и Цуй Бая из Северной Сун? Но что это было за видение, промелькнувшее перед глазами?

— Чудесно, чудесно! Удивительно, удивительно! — Лян Дицзюнь не мог подобрать слов, чтобы описать нахлынувшие на него чувства. — Дать ему почетное место! — распорядился он и взволнованно махнул рукой. — Где Третий?

Едва он закончил, как вошел мужчина в пурпурных одеждах. Его лицо с четкими, словно высеченными из камня чертами выражало полное спокойствие. Никто не знал, что ладони, спрятанные в рукавах, уже покрылись холодным потом.

Роскошный дворец вокруг начал тускнеть, превращаясь в размытый фон. Цзи Фаньинь судорожно вдохнула, холод пробрал её до костей, кровь в жилах, казалось, застыла. Она едва не прикусила губу до крови, голова закружилась, и перед глазами потемнело.

Перед тем как потерять сознание, она горько усмехнулась: это всё-таки он!

— Фаньинь? Фаньинь?

Кто это? Кто её зовет?

Шумные, назойливые голоса наслаивались друг на друга, словно в бреду. Цзи Фаньинь нахмурилась, подсознательно не желая открывать глаза. Но всхлипывания, проникающие в самую душу, заставили её вернуться из мира грез.

С трудом приоткрыв отяжелевшие веки, она увидела затуманенным взглядом, как у края кровати Вэй Сянжу, перестав вытирать слезы, радостно вскрикнула.

Услышав это, Цзи Цзиньань поспешил к дочери. Лекарь, осмотревший её, поставил диагноз: временная потеря сознания из-за сильного эмоционального потрясения.

На сердца супругов Цзи легла тяжелая ноша. Фаньинь с детства была слишком чувствительна, и последние два года её спокойствия заставили их поверить, что всё осталось позади. Кто бы мог подумать...

Луна поднялась высоко, в глубине дворца воцарилась глубокая ночь.

Скрип...

Стройные ноги переступили порог, золотое шитье на её сапогах блеснуло в свете ламп. Он ступал осторожно, боясь потревожить спящую.

У постели, рядом с тусклым огоньком свечи, под одеялом виднелась худая спина. Она дышала ровно и спокойно, казалось, погрузившись в крепкий сон. Лян Сесяо протянул руку, но в итоге замер на полпути и сжал кулаки.

Если бы только можно было, он бы с самого начала открылся ей. Её радость и печаль уже давно проникли в его кости, и никто не смог бы вырвать это из него.

— Ты с самого начала знал, кто я. — Голос её был хриплым, а тон — холодным и тяжелым, зависшим в тишине комнаты.

Это утверждение прозвучало так, словно туман наконец рассеялся. Цзи Фаньинь усмехнулась про себя: ей стоило догадаться раньше. Храм Бодхи славится своим благовониями, но в кельи для паломников не так-то просто попасть, тем более дочери канцлера.

— Охрана, присланная Третьим ваном, призвана защищать безопасность госпожи.

Когда Хун Сяо сказала это, она не придавала значения её словам. Охрана подчинялась ему, как же он мог не войти? А в праздник лодок дракона, когда он с легкостью проник во внутренний двор и нашел её — она думала, что он просто охранник, ведь убийц схватил Лян Сесяо. А он лишь доложил хозяину. Она еще ломала голову, как преодолеть пропасть между их положениями...

Теперь Цзи Фаньинь медленно села, её взгляд был холодным, как лед.

К чему теперь печалиться?

Лян Сесяо, долго молчавший, не смог больше скрывать правду:

— Да.

— Тогда почему ты не сказал прямо?

Мужчина промолчал.

— Позволь мне сказать за тебя, — её голос звучал холодно, как предгрозовый ветер. — Первое: нехватка времени. Но в Храме Бодхи у нас было три дня, разве этого мало? Второе: чувствительность положения. Но как гость, разве ты не мог просто представиться?

Её слова падали, как тяжелые камни. Лян Сесяо не мог дышать, но и не собирался оправдываться.

Цзи Фаньинь, видя это, разрыдалась, схватила вышитую подушку и со всей силы швырнула в него:

— Лян Сесяо, ты мерзавец!

Она била его, ругала, а он лишь принимал это, словно боясь, что лишнее слово откроет страшную тайну. Но чем больше он молчал, тем больше было ей — словно из неё вырывали сердце.

Выбившись из сил, Цзи Фаньинь прижала руку к груди, задыхаясь от слез. Лян Сесяо попытался успокоить её, но она оттолкнула его руку. Глядя прямо ему в глаза, она холодно произнесла:

— Не нужно мне помогать.

— Хорошо. Отдыхай. — Он поднялся.

— Тебе больше нечего мне сказать?

Цзи Фаньинь смотрела на его широкие плечи, тепля в сердце слабую надежду.

Лян Сесяо опустил длинные черные ресницы. Он услышал свой собственный голос, такой твердый и решительный:

— Нет.

За окном круглая луна была огромной и яркой, серебристым покрывалом укутывая хрупкую фигуру Цзи Фаньинь. Её тихий голос зазвучал, словно она говорила сама с собой:

— В детстве я не знала луны, называла её белым нефритовым блюдом. Или принимала за зеркало в чертогах небожителей, что взлетело в облака... Как унять печаль? Она терзает сердце и печень...

В длинном коридоре, залитом лунным светом, одинокая фигура отбрасывала длинную тень. Лян Сесяо прислонился к резному столбу, охваченный тоской.

Когда они встретились в Храме Бодхи, её характер был таким холодным и отстраненным, словно цветок, что любит себя сам собой. Когда она смотрела на него тем жгучим взглядом, в нём, казалось, таились глубокие чувства. Его сердце пропустило удар, кровь закипела. Но она уже не помнила его, и он продолжал обманывать самого себя.

Попрощавшись со старшим братом, он, не в силах сдержаться, с помощью легкой поступи привычно направился к её Павильону Бияо. Она волновалась, а он должен был сохранять спокойствие. Она страдала, а ему было ещё больнее. Она улыбалась, и он видел в ней фею. Она смущалась, и он был счастлив, что может так легко влиять на её чувства. Она плакала, а он не знал, что делать.

Лян Сесяо достал из-за пазухи прозрачную белую заколку из нефрита, словно величайшее сокровище, и нежно погладил пальцами едва заметный иероглиф Цзи, выгравированный на ней. Его глаза потемнели, и он вновь утвердился в своем решении: он любит её больше, чем тот человек!

У подножия высокой городской стены скромная карета, громокая колесами, удалялась всё дальше, пока не превратилась в черную точку и не исчезла совсем.

— Они уехали... — Лян Сеюнь с тоской смотрела на брата, который никогда не показывал своих чувств.

Осенний ветер раскачивал плакучие ивы, принося с собой дыхание запустения. Лян Сесяо, не меняясь в лице, развернулся. Лян Сеюнь больше не могла сдерживаться:

— Раз ты всё ещё любишь сестрицу Фаньинь, почему не вернешь её?

Ответом ему были лишь его уверенные шаги.

— Если ты не идешь, я пойду!

Едва она закончила, как раздалось ледяное предупреждение:

— Не смей!

— Не твое дело.

Лян Сеюнь не успела сделать и двух шагов, как перед ней выросла его рука. Она надула щеки и сердито уставилась на него:

— Ты можешь помешать на время, но не навсегда!

Видя его безразличие, она со слезами на глазах воскликнула:

— Я знаю, почему! Во всем виноват тот мерзавец Вэй...

— Юнь-эр!

Словно лопнула струна, всё стихло. Лян Сесяо едва слышно вздохнул, его глаза, подобные бездонной пропасти, наполнились невыразимой печалью:

— Не ищи её, больше не упоминай того человека... Она сейчас счастлива, и этого достаточно...

Все былые страдания он возьмет на себя.

— А если... если сестрица Фаньинь выйдет за другого?

Лян Сесяо погладил сестру по голове, его голос был глухим и надтреснутым:

— Лишь бы она была счастлива.

Когда птенец мал, я защищу его от всех бед. Когда крылья окрепнут — пусть другой станет его опорой. Это лучшее, что я могу для тебя сделать.

Сердце Лян Сеюнь сжалось от боли, она опустилась на землю и разрыдалась.